

Луи Блан

ЛЮКСЕМБУРГСКАЯ КОМИССИЯ

Приведено по:

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ (февраль—июнь)

в воспоминаниях участников и современников

Серия «ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ»

Подбор, перевод, статья и комментарии Е.Смирнова

Москва—Ленинград: АCADEMIA. 1934. С.239-272.

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://www.vive-liberta.narod.ru/) и Век Просвещения, 2010. Порядок комментариев Е.Смирнова изменен по сравнению с оригиналом. Дореформенная орфография сохранена. Дополнительные ссылки добавлены нами. Другие фрагменты сборника можно скачать в библиотеке или сообществе [Vive Liberta](http://www.vive-liberta.narod.ru/): <http://www.diary.ru/~vive-liberta/>

Тематические ссылки:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А.Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С.Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА: сб. статей

Е. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848-49 годов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-1.pdf

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-2.pdf

Р.Авербух. Рабочее движение в Вене в августе 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-3.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис рабочее движение накануне Февральской революции во Франции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю.Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789—1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв.пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

http://vive-liberta.narod.ru/doc/tabl_ilm.pdf

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю.Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.
http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С.Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л.Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М.Домманже. Бланки
http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommang.pdf.html

М.Федорова. Классический французский либерализм
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.
http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)
Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)
Экономика Испании в середине XIX века
http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblank>

и другие...

1

Новая власть была установлена. Первым ее актом явилась прокламация, содержащая следующие слова: «Временное правительство стоит за республику при условии утверждения ее народом, который немедленно будет призван вынести свое решение по этому вопросу». Это воззвание, слишком смелое для одних и слишком робкое для других, вызвало в рядах правительства бурные прения и сразу же поставило лицом к лицу два совершенно различных направления, между которыми правительству предстояло лавировать.

В моем изгнании в Лондоне я узнал по поводу этого провозглашения республики, что после отсылки возвания в редакцию «Moniteur» некоторые члены большинства решили взять его назад. Они уже вступили в соглашение между собою по этому поводу и для нанесения этого смелого удара командировали Биксию. Последний отправился в редакцию «Moniteur», но его попытка потерпела неудачу, не то вследствие отказа редакции выдать документ, не то по нерешительности самих заговорщиков. Хотя этот факт мне был сообщен из очень хорошего источника, я привожу его все же с оговоркой, без гарантии, так как поставил себе за правило говорить в этой книге только о том, что знаю как очевидец. Как бы то ни было, такая попытка действительно была бы чрезвычайно смелой! Нас было по крайней мере четверо во временном правительстве, которых пришлось бы упрятать в Венсенскую крепость... А с народом что бы сделали?

Я уже говорил, что до Февральской революции я не был знаком с Альбером. Когда я его в первый раз увидел на заседании правительства, я был поражен тем, как он себя держал. Он не обнаруживал ни удивления, ни замешательства, и в его позе было какое-то достоинство, несколько грубоватое, но естественное и решительное. Он сидел молча, прислушиваясь ко всему с

настороженным вниманием, и всматривался в окружающие лица испытующим взором. Когда мы выходили после заседания, он подошел ко мне, протянул мне руку с сдержанной порывистостью и сказал мне следующие слова, которые я привожу просто, как они были им сказаны:

— Вижу, что вы действительно любите народ.

И мы стали друзьями.

Что касается Ледрю-Роллена и Флокона, то их путь к революции давно уже был ярко начертан. Страстное стремление к республике, сила таланта, энергия воли, — у них было все, чего требовало их положение. Но сколько препятствий на этом пути! А одним из этих препятствий была боязнь непредвиденного, леденившая революционное чувство в еще не подготовленных к республике сердцах.

А теперь да будет мне позволено открыто высказать свое мнение о Ламартине, который стал наиболее ярким олицетворением большинства правительства.

Республика, как известно, не была первым культом Ламартина: он воскурял фимиам другим богам. Но какие пути заказаны были этому легко воспламеняющемуся поэту? Чего нельзя было ожидать от того, который в «Истории жирондистов» проявлял свои симпатии поочередно ко всем — от Людовика XVI до Верньо, от Верньо до Дантона, от Дантона до Робеспьера? Накануне февраля симпатии Ламартинна к республике явились одной из его предвиденных измен. Революция пришла, нашла его готовым к перемене фронта и увлекла его.

Но что странно — это то, что Ламартин возложил себе на голову при этом венец инициатора. Да, по какой-то исключительной иллюзии он вдруг вообразил, что дал Франции республику, которую так долго считал химерической, о которой говорил, что она будет кровавой, и потому боролся с ней. Увлекаемый вихрем движения, он считал, что руководил им. В действительности же в торжествующем ходе республики бывший поэт королей мог фигурировать лишь в качестве побежденного. Но дабы эффектнее представить взорам страны этого знаменитого пленника, республика доставила себе удовольствие посадить его за собою на победной колеснице.

Что касается его роли, Ламартин построил ее исключительно в соответствии со своими вкусами литератора; вся она определялась двумя словами: «вызывать аплодисменты». Постоянно прислушиваясь, чтобы улавливать шум, вызываемый его именем, и постоянно опасаясь, чтобы не была заглушена музыка его славы, он стремился завладеть всяким, кого он мог в какой-либо степени

опасаться. Он старался снискать всеобщее поклонение, приспособляться ко всем направлениям, стать пунктом пресечения всех партий. С одинаковой горячностью пытался он заслужить расположение салонов и снискать одобрение клубов, сблизиться с лордом Норманби и нравиться Собрание, предложить пост посла Ларошжаклену и устраивать тайные свидания с Бланки.

Что Ламартин полагал, что таким образом он способствует всеобщему примирению, — это можно допустить в виду его прирожденного великодушия. Но он скоро понял бы, как тщетны эти его усилия, сводившиеся к чисто личному влиянию, если бы не руководился внутренним мотивом, в котором он, вероятно, самому себе не признавался. Наши лучшие порывы скрывают такие незаметные софизмы, и сердце человеческое так способно само себя обманывать!

Как бы то ни было, это систематическое и банальное благожелательство Ламартина не распространялось на тех, что очутились в Люксембурге, когда этот дворец аристократии стал дворцом народа. Почему? Потому что Ламартин не имел никакого представления о действительном настроении умов, потому что он не видел, чем живет и куда идет его век, потому что он не мог простить Люксембургу, что он телом и душой в Февральской революции и что все остальное является лишь ее откликами и ее тенью, потому, наконец, что он боялся социализма, этой великой реальности, как дети боятся фантомов.

К тому же в нем не было ничего, что отличает трибуна: ни стремления, ни настроения, ни лица, ни позы, ни жеста, ни речи. Его высокая, но лишенная внешней силы фигура, его легкое, золоченое, но пустое красноречие, его торжественная, доходящая до монотонности дикция, его не вибрирующий голос, его тонкие, даже изумительно изящные черты, — все это делало его мало способным вести за собою возбужденную толпу, и можно с уверенностью сказать, что никогда он не зажигал страстью Гревскую площадь. Если бы речь шла только о том, чтобы любить народ платонической любовью, его на это, конечно, хватило бы, никто более охотно, чем он, не изливал бы на человеческие страдания сокровища отзывчивой чувствительности, проявляющейся в звонких метафорах. Но выступать смело против сильных за дело слабых и угнетенных, не считаться в порыве несокрушимой души с несправедливостью, вооруженною мечом, или даже с несправедливостью, увенчанной цветами, итти во имя справедливости на то, чтобы стать жертвою клеветы, интриг, насмешек, не боясь укусов тысяч гадюк, жить бодро пред лицом ненависти бесчестных людей и в сознании своей правоты восстановить

против себя, в случае надобности, всю вселенную, — вот что нужно. Ламартин шел навстречу смерти, — это было мужество солдата; он дрожал от страха иметь преследователей, — это была слабость поэта. Ему не доставало умения создавать себе смертельных врагов.

И этим объясняется, что он имел на своей стороне все партии — в течение одного дня. Он заснул, полагая, что вся Франция стоит у его изголовья, он спал опьяненный самим собою, ему грезилась диктатура, он проснулся — он был одинок.

2

Утром 25 февраля мы занимались организацией мэрий, как вдруг ужасающий гул раздался вокруг городской ратуши. Вскоре дверь комнаты, в которой заседало правительство, раскрылась с шумом, и вошел человек, который воистину казался как бы призраком. Его лицо, суровое, но дышавшее благородством, выразительное и прекрасное, было бледно. С ружьем в руке, он устремил на нас пристальный взор, его синие глаза искрились. Кто прислал его? Чего хотел он? Он явился во имя народа, властным жестом указал на Гревскую площадь и, тяжело опустив на паркет приклад своего ружья, потребовал признания права на труд. Признаюсь, грозная форма этого требования вызвала во мне прежде всего невольное движение гордыни. Но, подавив тотчас же несправедливый по отношению к тому, кто требовал своего права, порыв и по существу довольный тем, что давление, за которое я не был ответственен, заставит осуществить самое дорогое мое желание, я поспешил воспользоваться представившимся случаем и, отведя к оконной нише рабочего, имя которого было Марш, я написал декрет, к которому Ледрю-Роллен прибавил последний абзац, касающийся миллиона гражданского листа: «Временное правительство Французской республики обязуется обеспечить существование рабочих посредством труда; оно обязуется обеспечить работу всем гражданам; оно признает, что рабочие должны ассоциироваться между собою, чтобы пользоваться плодами своего труда; временное правительство возвращает рабочим, которым он принадлежит, миллион, который освободится с уничтожением гражданского листа».

Составляя этот декрет, я, конечно, знал, в какой мере он связывает правительство. Я прекрасно знал, что он станет применимым лишь при условии проведения социальной реформы на основе ассоциаций и что последствием его должно явиться уничтожение пролетариата, уничтожение наемного труда. Но с моей точки зрения именно в этом и было все значение декрета. Он заключал в себе обещание, к которому придется возвратиться и

которое, клянусь в этом, будет осуществлено, — обещание, которое тогда нарушено было бесстыдным образом. Да падет на виновных вся ответственность за это святотатственное нарушение! Что касается меня, я счастлив, что подвергался преследованиям со стороны тех, которые осмеливаются объявлять химеричным и бессмысленным утверждение, что «всякое общество обязано предоставлять своим членам работу и хлеб».

Министерства уже были распределены. Каждый из нас получил свою специальную миссию. Представительство временного правительства в городской ратуше было главным образом возложено на Флокона и на меня. Какими красками описать, наряду со славными сценами, разыгравшимися на площадях, зрелище, театром которого была ратуша в первые дни революции? С какою горечью приходилось нам отмечать те следы, которые оставляет за собою полувековое растлевающее влияние монархии! С каким отвращением встречали мы сбегавшиеся к нам со всех сторон толпы просителей, набрасывавшихся на республику после того, как предали, изменили всем прежним режимам. И теперь еще — с каким глубочайшим презрением вспоминаем мы толпившихся в передних городской ратуши, преклонявших свои колена перед новым божеством, отрекавшихся от своего прошлого, клянясь в верности Франции будущего — тех самых людей, которые позже мстили нам, подвергая нас преследованиям, за то, что они нам так низко льстили.

Нет надобности добавлять, что все учреждения, начиная с кассационного суда и счетной палаты, на перебой приходили заявлять о своем присоединении к республике. В ответ на речь председателя счетной палаты мне пришлось высказать слова, которыми я пытался снова связать два неотделимых понятия, связь между которыми монархия старалась разорвать: «Девизом республики не будет больше *свобода, общественный порядок*: эти два понятия неотделимы. Отныне нашим стремлением является *порядок в свободе!*»

Эти первые шаги власти среди всеобщего замешательства были очень трудны. Вся Франция стремилась в эти первые дни проникнуть в городскую ратушу. Приходилось подписывать тысячи приказов, откликаться на тысячи требований, отвечать на множество неотложных вопросов, удовлетворять бесконечное число просьб, не допуская отлагательства, принимать одни депутаты за другими, замещать оставшиеся незанятыми посты, назначать новых чиновников, использовать для правильного направления действий народа студентов различных школ, преданность которых была изумительна и сама всегда шла нам навстречу. А

затем после целого дня, каждый час которого поглощался такой работой, приносили матрац, на который мы бросались совсем одетыми. Никакой возможности не было спать, ибо мы жили двойною жизнью, и ночь отличалась от дня лишь своим мраком. Флокен не мог вынести такого страшного переутомления. Он свалился больным, и это было несчастье, потому что его отсутствие свело к трем голосам силу революции в совете министров.

Между тем поставлена была проблема, требовавшая немедленного разрешения. 28 февраля совет министров собрался. Вдруг сквозь высокие окна городской ратуши увидели мы, что Гревская площадь набита народом, выстроившимся как бы в боевом порядке. Поверх стиснувшихся голов развевались многочисленные знамена с надписями: «Министерство прогресса! Организация труда!» Почти тотчас же нам заявили, что пришла депутация от народа. Нужно было решиться. Я не колеблясь высказался за то, чтобы удовлетворили пожелание народа. Революция имела социальный смысл, — зачем же медлили определить его? Революция показала нам действительного суверена, а система наемного труда держала этого суверена в рабстве, — зачем же медлили признать его? Создать министерство, которое было бы министерством будущего, заменить братской организацией труда ужасающую анархию, прикрывавшую своим общим беспорядком угнетение масс и лицемерно преподносившую им цвета свободы, — вот что нужно было разрешить.

Эти положения встретили в лице Ламартина страстного противника. Он сказал, что мы не облечены учредительной властью, что мы не имеем права связывать по столь важным вопросам свободу решения будущего учредительного собрания, что он не понимает необходимости предлагаемого министерства, что он не понимает и никогда не поймет, что представляет собою организация труда.

Большинство аплодировало, и я тут же предложил свою отставку. Ибо, по моему мнению, представлять в рядах правительства нечто другое, чем свои убеждения, — крайняя низость, и стремиться к власти ради самой власти может только последний из людей.

Моя отставка была категорически отвергнута, и так как я продолжал настаивать, мне предложили председательство в комиссии, задачей которой, в ожидании будущего учредительного собрания, будет разработка и обсуждение социальных вопросов.

Итак, вместо министерства, имеющего в своем распоряжении канцелярии, агентов, бюджет, административный аппарат, действительную власть, средства осуществления, возможность дей-

ствовать, предлагали — что? Создание бурной школы, в которой я призван был бы читать голодному народу курс лекций о голоде! Нужно ли говорить, с какой энергией я отверг это опасное предложение? Тогда Франсуа Араго взволнованным голосом стал заклинять меня не настаивать на своем отказе, который повлек бы за собою восстание в Париже. Он ссылаясь на авторитет своего преклонного возраста. Он расшевелил в моем сердце всю глубину старой и неизменной привязанности. Он выражал готовность самому заседать в этой комиссии и занять в ней место товарища председателя. Я любил Франсуа Араго и уважал его. Никогда ни в малейшей мере не сомневался я в его искренности. Его настояния и смущали, и трогали меня. Но в такие моменты нужно искать указаний и обращаться за советом лишь к самому себе.

Жестокая альтернатива!

Если я уступлю, на меня свалится страждущая масса, подталкиваемая гнетущей нуждой, требовательная, а я мог бы ее сдерживать только своим словом; я возложил бы на себя чрезвычайно тяжелую ответственность за положение, в средствах для выхода из которого мне отказывали; я вызвал бы общее недоверие к себе, а затем, быть может, и враждебность народа, раздраженного тем, что его заставляют ждать удовлетворения своих нужд; я подверг бы убеждения, которые я считал правильными, дискредитации, потому что не в состоянии был бы их осуществить. И кто знает? Меня ожидала, быть может, пропасть.

Если бы я стал настаивать, мот ли бы я отвечать за последствия? Не послужит ли сигналом к народному восстанию открыли раскол в рядах правительства при таких условиях и по таким мотивам? Не рискует ли республика в пылу гражданской войны потерять рассудок или погибнуть? И так как по странному роковому стечению мне предстояло выбирать между двумя одинаково тяжелыми ответственностями, не лучше ли было бы выбрать ту из них, которая по крайней мере не связана была бы с кровопролитием?

Вот какие различные мысли терзали меня в эти тяжелые часы! С другой стороны, я вспомнил знаменитые слова: «Mens agitat molem»*. Я говорил себе, что для социализма представляется исключительный случай получить в свое распоряжение трибуну, с которой он мог бы говорить со всей Европой, что нельзя просто пренебрегать пропагандой в пользу великой идеи с высоты важной позиции, что не малым делом является возможность подвергнуть критике перед огромными массами царство зла. И какое значение

* Дух приводит в движение массу (Виргилий, Энеида, VI, 727).

может, в конце концов, иметь то, что свалят человека, что растопчут его ногами, если дело будет сделано и будет проложен путь вперед?

Эти соображения заставили меня решиться. Тотчас же было постановлено учредить правительственную комиссию для рабочих. Решено было, что Альбер будет в ней товарищем председателя и что комиссия будет заседать в Люксембурге. Отдано было распоряжение ввести депутацию.

Рабочий механик, с холодными и твердыми жестами, с суровым лицом, вошел, держа в руках бумагу, и огласил петицию, требовавшую создания министерства прогресса. Отвечать ему я, по совести, не мог, не раскрывая тех прений, которые только что имели место, и не выдавая своих коллег. Слово взял Ламартин. Пока он говорил, на лицах народных делегатов читалась нерешительность и неуверенность. Они обращались ко мне с недоумевающим взором и, словно бы они прочли в моих глазах то, что было в глубине моей души, молча вышли из комнаты.

Я составил следующий декрет, который «Moniteur» опубликовал на следующий день с подписями всех членов временного правительства:

«Принимая во внимание, что революция, совершенная народом, должна быть совершена для него; что пора положить конец долгим и несправедливым страданиям рабочих;

что вопрос труда имеет чрезвычайную важность;

что нет более важного вопроса, более достойного для мероприятий республиканского правительства;

что Франция в особенности обязана заботливо изучить и разрешить проблему, стоящую в настоящее время перед всеми промышленными нациями Европы;

что необходимо без всякого промедления обеспечить народу законные плоды его труда, —

временное правительство республики постановляет:

учредить постоянную комиссию под названием «Правительственная комиссия для рабочих» со специальной задачей заняться изучением их положения.

Чтобы показать, какое значение временное правительство придает разрешению этой великой проблемы, оно назначает председателем правительственной комиссии для рабочих одного из своих членов, г. Луи Блана, и товарищем председателя — другого своего члена, г. Альбера, рабочего.

К участию в работах комиссии будут приглашены рабочие.

Для работ комиссии отводится Люксембургский дворец».

Намечен ли был путь? Стал ли социализм, о котором едва говорили до февраля, великой заботой и великим делом века? Спросите Францию, спросите Европу. Какое же имеет значение, раз дело осталось, что человек подвергся низкой клевете и изгнанию? Крамольники зла должны были доставить ему эту честь!

3

Но какие тайные мотивы руководили теми, которые в городской ратуше заменили план министерства труда, какого желал народ, идеей простой комиссии изучения? Они сами ответят нам на этот вопрос. Ибо в этом произведении я ничего не хочу утверждать без ссылки на *неопровержимые доказательства*.

В своей «Истории национальных мастерских» Эмиль Тома*, агент, креатура и в известной мере доверенное лицо г-на Мари, которым эти мастерские были организованы, рассказывает о беседе, имевшей однажды место между ним и министром общественных работ, членом временного правительства:

«Г. Мари сказал мне, что правительство твердо решило дать осуществиться этому *опыту*, т.е. правительственной комиссии для рабочих. Сама по себе эта комиссия может дать лишь положительные результаты, ибо она покажет рабочим всю пустоту и всю лживость этих неосуществимых теорий и продемонстрирует им гибельные последствия, которые они повлекут за собою для них самих. И тогда, протрезвленные относительно своего будущего, они естественно откажутся от своего преклонения перед Луи Бланом, который потеряет таким образом весь свой престиж и свою силу и навсегда перестанет быть опасным».

Итак, когда 28 февраля 1848 г., под шум народных масс, толпившихся на Гревской площади, и при виде тысяч знамен, на которых написаны были слова «Создание министерства труда» мне предложили вместо этого министерства председательство в комиссии изучения, без административного аппарата и без бюджета, это было сделано лишь для того, чтобы лишить меня всякой возможности провести в жизнь воззрения, которые решено было впоследствии объявить неосуществимыми! И когда, предвидя расставленную мне ловушку, я подал в отставку, меня заклинали взять назад эту отставку, которая несомненно послужила бы сигналом к восстанию в Париже, лишь для того, чтобы воспользоваться моими уступками против меня же и лишить меня доверия народа, возложив на меня бремя, под тяжестью которого, как надеялись, я буду раздавлен! О чем, в самом деле шла речь?

* Этот текст также включен в настоящий сборник, см. в библиотеке или сообществе. - *ред. Vive Liberta.*

Сдерживать толпившиеся на улицах массы — без одного солдата! Успокоить голодающий народ — без каких бы то ни было расходов! Альбер, которого, повидимому, так же пытались скомпрометировать, предложив ему вице-председательство в комиссии, — Альбер настаивал вместе со мной. И если мы, в конце концов, уступили, то отчасти, как я уже говорил, лишь из опасения волнений, которые вызвал бы наш отказ.

Впрочем, охранители старого мира не приняли во внимание, что даже если они лишат нас надежды принимать участие в жатве, у нас оставалась возможность сеять. И в этом их обманула их якобы мудрость, — здесь они попались в ими же расставленную ловушку. Пытаться применить верную идею можно лишь при тех условиях, которые у нас были отняты. Но для того, чтобы сделать это применение рано или поздно неизбежным — что нужно для этого? Для этого достаточно слова. В настоящее время Люксембургская трибуна онемела: Альбер — в тюрьме, я — в изгнании. Пиррова победа! Ибо дело мирной организации продолжается. Многочисленные ассоциации, уже образованные и функционирующие в Париже, достаточно свидетельствуют о непобедимой преданности делегатов Люксембурга, великой и благородной семьи, которая не погибнет. У нас могли отнять настоящее.

Но будущее?..

Мне нет надобности воспроизводить здесь произнесенные мною в бывшей палате пэров речи. Напечатанные полностью в «Moniteur», они были затем опубликованы в отдельной книге под названием «Февральская революция в Люксембурге». К этой книге я отсылаю тех, в ком политическая вражда не погасила разума и не извратила сердце. Пусть прочтут эти речи, внушенные страстью к справедливости, к подлинному порядку, — и тогда увидят, в какой мере пользовались против меня ложными цитатами, урезанными текстами и гнусными недомолвками. И каждый не без удивления спросит себя, каким образом доктрина, почерпнутая непосредственно из великих источников евангелия, могла вдруг превратиться в теорию беспорядка под пером ненавистников социализма, обманщиков на службе у побежденных королей и разоблаченных угнетателей!

Да, какое непростительное преступление — стремиться всей душою к торжеству правды, к воцарению справедливости!

4

Лишить нас симпатии народа пытались тщетно, а чтобы сделать нас ненавистными в глазах буржуазии, приписали Люксембургу создание национальных мастерских, — новая гнусная ложь,

которой не поверит никто из тех, кто читал мои произведения, но которую считали возможным использовать, преподнося ее людям невежественным.

Десятки раз уже с трибуны Учредительного собрания или в печати я разоблачал эту гнусную ложь, и никто ни разу не осмелился публично меня опровергнуть. Нужно ли снова настаивать? Вот доказательства, яркие как солнце.

5 июля 1848 г. Франсуа Араго, бывший член временного правительства, предстал пред следственной комиссией, и на вопрос о национальных мастерских он ответил: «организацией национальных мастерских занимался г-н Мари».

И действительно, Мари организовал эти мастерские, управление которыми было им поручено некоему Эмилю Тома, забавному субъекту, вульгарному сокрушителю идей, которых он не способен был понять, и не перестававшему нападать на меня. И вот этот Тома в своем показании от 28 июля 1848 г. сказал: «Мне никогда не приходилось говорить с Луи Бланом, я с ним не знаком». И затем он прибавил: «В то время как я заведывал мастерскими, я виделся с Мари каждый день, часто даже два раза в день; один только раз я встретился с Ламартином, но никогда не встречался ни с Ледрю-Ролленом, ни с Луи Бланом, ни с Флоконом, ни с Альбером».

В своем показании от 28 июля 1848 г. директор национальных мастерских уже сказал: «Я всегда действовал вместе с парижской мэрией, борясь против влияния Ледрю-Роллена, Флокона и других. Я был в открытой вражде с Люксембургом и открыто боролся с влиянием Луи Блана».

Что можно противопоставить этим официальным показаниям, столь точным и решительным? Но, может быть, имеется какое-нибудь противоположное показание? Нет, нет ни одного, просмотрите все три тома следствия! В этой лабораторий ненависти контрреволюции, в этом арсенале, где были собраны все отравленные орудия, какие можно было выдвинуть против меня нельзя найти ни одного заявления, на основании которого меня можно было бы выставить создателем или организатором, или хотя бы сочувствующим национальным мастерским.

27 февраля 1848 г. был издан декрет временного правительства об организации национальных мастерских. 6 марта министр общественных работ Мари издал Положение об этих мастерских. Это Положение издано было без всякого совещания со мною, без моего ведома.

Но если национальные мастерские организованы были без моего участия, это сделано было, быть может, согласно с моими принципами? На самом деле было как раз наоборот.

Известно, в какой мере г.Мари был враждебен моим воззрениям, с какой горячностью он тайно стремился их побороть. Каким же образом можно после этого допустить, чтобы он сам употреблял государственные средства для их применения? И действительно, трудно представить себе нечто более противоположное индустриальному режиму, развитому в «Организации труда», чем режим национальных мастерских, которыми управлял Эмиль Тома под ответственностью Мари.

Социальные мастерские, в том виде, в каком я их предложил, должны были группировать рабочих одной и той же профессии.

Национальные мастерские, управляемые г-ном Мари, набирали без разбора рабочих всех профессий, которых заставляли производить одну и ту же работу.

В **социальных мастерских**, предложенных мною, рабочие должны были работать при денежном участии государства, но за свой собственный счет, с целью извлекать общую выгоду, т.е. со страстью личной заинтересованности в соединении с мощью ассоциации и с честолюбием организации.

В **национальных мастерских**, управлявшихся г-ном Мари, государство участвовало лишь как предприниматель, а рабочие являлись лишь наемниками. И так как в них велась только работа бесплодная, издевательская, к которой большинство рабочих оказывалось совершенно неспособными, участие государства сводилось лишь к бесполезной трате денег, жалованье служащим являлось лишь премией лени, а заработная плата — скрытой милостыней.

Социальные мастерские, предложенные мною, являлись семьями работников, объединенных узами самой тесной солидарности, семьями, заинтересованными в производительности своего труда и, следовательно, в его выгоды.

Национальные мастерские, управлявшиеся г-ном Мари, были лишь бестолковым сборищем пролетариев, которых только кормили, не умея их производительно занять, и которые должны были жить без какой-либо связи между собою, кроме военной организации, с начальниками, которых называли странным и характерным именем: *бригадиры!*

5

1 марта 1848 г. состоялось в Люксембургском дворце первое заседание Правительственной комиссии для рабочих. В 9 часов

утра приблизительно двести рабочих, делегированных различными парижскими корпорациями, заняли места на скамьях, которые некогда занимали пэры Франции. Мы с Альбером вошли в залу, где встречены были возгласами «да здравствует республика!», за которыми вскоре наступила торжественная тишина. После нескольких замечаний о значении и новизне начинающегося дела я выяснил задачу Правительственной комиссии, состоявшую в том, чтобы подвергнуть глубокому изучению социальные вопросы, представить результаты этого изучения Национальному собранию, которое будет избрано всеобщим голосованием, а пока выслушать требования трудящихся. Наша миссия и наше собственное желание состоят в том, чтобы сделать все, что будет возможно, все, что будет справедливо. В ответ на мои разъяснения поднялся один рабочий и от имени своих товарищей внес два требования, на которые, как он заявил, необходим немедленный ответ. Эти требования были следующие: сокращение рабочего дня и отмена маршандажа.

Я ответил, что прежде всего необходимо организовать представительство рабочего класса в Люксембурге, и предложил, чтобы каждая корпорация назначила трех делегатов, из которых один будет принимать участие в повседневных работах Правительственной комиссии, а двое других будут присутствовать на общих собраниях, на которых будут обсуждаться доклады комиссии. Другими словами, я предложил учредить в Люксембурге *парламент труда*, и это предложение было встречено самыми оживленными аплодисментами.

И тогда наступило первое испытание. Указанные два требования были возобновлены и немедленное их разрешение было потребовано с настойчивостью, в которой слышалась угроза. Но по справедливости я должен сказать, что аргументация рабочих носила чрезвычайно благородный характер.

— Мы настаиваем, — говорили они, — на сокращении рабочего дня, дабы большее число наших братьев могло найти работу и дабы каждый из нас имел, по крайней мере, один час в день, который он мог бы отдавать умственной жизни, своим привязанностям и своей семье; что же касается отмены маршандажа, то мы требуем ее, потому что возмутительно, недопустимо, чтобы между предпринимателем и рабочим стоял хищный посредник, эксплуатирующий рабочего и снижающий заработную плату до голодного уровня.

В этом не было ничего, что не соответствовало бы целиком моим убеждениям, ничего, о чем бы я сам не говорил в своих писаниях. И, однако, мне казалось справедливым, чтобы этот

вопрос не обсуждался в отсутствие предпринимателей. Я открыто и энергично высказал свое мнение и обратил внимание собрания на возможные возражения главным образом по вопросу о сокращении рабочего дня. Не снизим ли мы таким образом производительные силы, не вызовем ли мы вздорожание продуктов, сокращение потребления и не дадим ли мы таким образом иностранным продуктам на нашем собственном рынке преимущество, которое нанесет ущерб интересам самих рабочих? Я предложил рабочим считаться с этими возражениями, прибавив, что они в своих собственных интересах должны умерять свои требования, ибо сложность теперешнего экономического строя такова, что нельзя сделать ни одного шага, не споткнувшись о какую-нибудь помеху и не подвергаясь какому-нибудь риску.

Мои слова, должен признать, не были приняты с той благосклонностью, с которою к ним стали относиться впоследствии, когда мы ближе узнали друг друга. Наступило молчание, которое предвещало грозу. И действительно, не прошло и двух или трех минут, как несколько рабочих, поднявшись и перебивая друг друга, заявили, что работы будут приостановлены, пока им не дадут удовлетворения по поставленным двум вопросам.

В этот момент вошел Араго. Он услышал о том, что происходит у нас, и, верный своему обещанию, пришел оказать мне поддержку.

Кто видел г.Араго с его высокой фигурой, светящимися глазами, оттененными густыми бровями, с его головой олимпийского Юпитера, с его красивым лицом, бледным от недавно перенесенной болезни, тот легко представит себе то впечатление, которое произвело выступление этого знаменитого человека.

Исключительно убедительны и мягки были выражения, с которыми он обратился к рабочим, и я воспользовался этим, чтобы обратиться с горячим призывом к их патриотизму и доверию. Что эти люди, воздвигнувшие баррикады, свалившие правительство, охраняемое пушками, и проявившие на поле битвы мужество, еще никогда не превзойденное, уступили в одну минуту нескольким добрым словам, исходившим от сердца, — какое еще нужно более разительное свидетельство о том, что есть благородного и возвышенного в парижском народе? Оппозиция исчезла как бы по мановению жезла. Ни ропота, ни жалобы. Собрание разошлось с возгласами: «Да здравствует республика!»

Тотчас же верховые были разосланы к наиболее видным представителям главных промышленных предприятий Парижа, чтобы созвать их на общее собрание, состоявшееся на следующий день в одном из зал дворца. Предприниматели явились в большом

числе. Вопросы, поднятые накануне, были поставлены на рассмотрение, спокойно обсуждены, и большинство предпринимателей, признав справедливость выставленных рабочими требований, то ли по искреннему мнению, то ли из опасения осложнений, которые могли бы быть созданы отказом, согласилось на издание декрета, отменяющего маршандаж и сокращающего рабочий день: от одиннадцати до десяти часов в Париже; и от двенадцати до одиннадцати часов в провинции. Весть о принятом декрете вскоре распространилась по Парижу, и в тот день Люксембург до глубокой ночи осаждался депутациями рабочих, на разные лады выражавших свою радость.

Парламент труда был учрежден согласно с моими указаниями, и каждая корпорация была представлена в Люксембурге избранными из ее среды тремя делегатами. Таким образом в руках правительственной комиссии для рабочих оказался мощный рычаг, и парижский народ мог через постоянное собрание, составленное из его избранных, действовать как один человек.

Что касается комиссии, то она поспешила привлечь к себе всех компетентных людей без различия направлений: например, Шарля Дюверье, Казо, Жана Рейно, Туссенеля, Виктора Консидерана, Воловского. Если места некоторых видных мыслителей оставались незанятыми, то либо потому, что их не было в ту пору в Париже, как Пьер Леру, либо потому, что они отказались от участия, как Эмиль Жирарден, либо потому, что они, как Анфантен, считали, что их направление достаточно представлено участвовавшими в комиссии людьми. Но прежде всего я должен отметить неоценимую поддержку, которую мне оказали генеральный секретарь комиссии Видаль и Пеккер — оба люди чрезвычайно заслуженные, с обширными знаниями в области политической экономии.

После всестороннего обсуждения основных принципов комиссией мы с Видалем, Пеккером и Альбером разработали план, охватывавший следующие вопросы: учреждение сельскохозяйственных колоний на кооперативных началах, основание широкой сети кредитных учреждений, централизация страхований всех видов, учреждение складов и базаров, с целью постепенного преобразования торговли, создание государственного банка с отделениями в департаментах, — словом, ряд мер, клонящихся к достижению окончательной цели, но соответствующих по своему практическому характеру современным требованиям экономического строя, который они должны были преобразовать, избегая слишком внезапных скачков и разорительной ломки.

Открытие парламента труда имело место 10 марта, и лучше всего я мог бы ответить на распространявшиеся против меня клеветы, приведя несколько мест из произнесенной мною в тот день речи.

«Видя вас собравшимися в этих стенах, которые привилегия избрала своим святилищем и в котором выработывалось столько законов без вас, вопреки вам, против вас, я не могу подавить в себе глубокое волнение. На этих местах, где сверкали расшитые мундиры, мы видим пиджаки, изношенные трудом и временем, прорванные, быть может, в недавних боях. Вы помните: с этой трибуны, с которой я говорю, трибун аристократии призывал недавно против республиканской идеи самые мрачные силы прошлого, и по его слову пэры Франции поднялись в неописуемом восторге. Седовласые законодатели проявили отрости, которые считали уже угасшими. Здесь, в этих стенах, республика наших отцов подвергалась проклятиям. Здесь дерзали запрещать нашим детям стремиться к республике, и все руки поднимались, чтобы клясться в ненависти к будущему. И что же, спустя несколько дней провокаторы исчезли. Где они теперь? Это неизвестно никому, и на их месте сидите вы, избранники труда. Вот как ответило будущее!.. О республиканцах говорили, что сии крамольники, что они люди невозможные, что они мечтатели. И вот, благодаря победе народа, на крамольников возложена; ответственность за порядок, и люди невозможные вдруг стали людьми необходимыми. Их обзывали апостолами террора, а в тот день, который их привел к власти, они отменили смертную казнь, и наиболее прельщающая их надежда состоит в том, чтобы наступил день, когда они поведут вас на площадь, чтобы там, в блеске великого национального праздника, сжечь последние обломки эшафота... Стоящие перед нами задачи не легко разрешить. Наступать на одно злоупотребление — значит угрожать всем злоупотреблениям. С одного конца общества до другого зло образует как бы единую цепь, из которой невозможно изъять ни одного звена, не сотрясая ее всю целиком... Вы знаете, какую убийственную и безнравственную конкуренцию делают машины человеческому труду и как часто они, являясь орудием борьбы в руках одного человека, изгоняли из мастерских тех, кому работа давала хлеб. А между тем машины являются орудием прогресса. Чем же объясняется эта трагическая аномалия? Она порождается тем, что в

недрах господствующей в настоящее время промышленной анархии и вследствие разделения интересов все естественно превращается в орудие борьбы. Пусть индивидуализм будет замещен ассоциацией, — и применение машин тотчас же становится огромным благом, так как при этом они приносят пользу всем и замещают человеческий труд, не уничтожая трудящегося человека. Вы видите — вопросы, которые нам предстоит изучать, должны рассматриваться во всей их целостности. Принцип, которому мы должны обеспечить торжество, это принцип солидарности интересов. Общество подобно человеческому организму, которому больная нога не дает пользоваться здоровой ногой. Невидимая, но реальная и роковая связь прикрепляет притеснителя к бедствиям притесняемого, и рано или поздно наступает момент, когда эта солидарность вспыхивает в ужасающих искуплениях... Да, нельзя достаточно сильно настаивать на том, что выступать в защиту неимущих — значит выступать в защиту имущих, значит защищать всеобщие интересы. Поэтому мы не являемся здесь людьми какой-нибудь партии. Мы любим отечество, мы обожаем его, мы решились служить ему в союзе всех его сынов. В этих-то видах и была учреждена Правительственная комиссия для рабочих. Мы сказали себе, что пришло время для людей, которые имели бы смелость взять в свои руки власть, примирять своих сограждан с этой смелостью в виду приносимой ею пользы, и что необходимо, наконец, дать власти великое определение: управлять — это значит отдаваться, быть преданным... Что касается характера возложенной на нас миссии, я определю его в нескольких словах. Задачей комиссии является внимательное изучение вопросов, относящихся к моральному или материальному улучшению вашего положения, и формулировка принимаемых здесь решений в законопроектах, которые будут, с одобрения временного правительства, представлены на рассмотрение Национального собрания. Нужно ли говорить о том, насколько величественно будет собрание, рассмотрению которого будут подвергнуты величайшие интересы, когда-либо волновавшие людей? И действительно, речь идет об уничтожении рабства — рабства нищеты, невежества, бедствий, рабства трудящегося, не имеющего возможности приютить своего состарившегося отца, рабства дочери народа, которая в шестнадцать лет должна продаваться, чтобы жить, рабства детей народа, которых в десятилетнем или двенадцатилетнем возрасте погребают в

зачумленных ткацких фабриках. Разве все это настолько соответствует природе вещей, что безумно верить, что все это должно когда-нибудь измениться? Кто посмеет это утверждать и клеветать таким образом на прогресс? Если общество плохо построено — перестройте его, уничтожьте рабство! Но еще раз — дело это очень трудное, требующее глубоких размышлений, неослабевающей осторожности. Поспешность в этом деле может быть убийственной, и чтобы приступить к этим проблемам, необходимо объединить все усилия, все знания, все стремления...»

Теперь о делегатах Люксембурга. Нужно знать, что всю свою работу они совершали вполне безвозмездно. В вознаграждение за потерянное время они ни разу не получили ни одного гроша ни от меня, так как в моем распоряжении не было никаких средств, ни от кого бы то ни было. Больше того: миссия, которую они столь благородно возложили на себя, стала для большинства из них и для их семейств источником самых тяжких лишений. На них посыпался ряд преследований: одни были лишены своего заработка, другим закрыт был доступ к работе варварскими руками. И, однако, от них не слышно было ни малейшего ропота, они не издавали ни малейшей жалобы, и все, не взирая на жертвы, мужественно оставались на посту, на который поставило их доверие их товарищей.

Не менее достойна быть отмеченной их большая преданность людям, которые, как Альбер и я, не могли доставить им никакого немедленного облегчения их положения и на которых выпала неблагоприятная задача успокаивать их вполне понятное недовольство. Да будет мне позволено привести здесь один пример этой преданности, столь же бескорыстной, сколь и трогательной.

Мы с Альбером обычно ходили пешком, если только не было крайней спешности. Однажды вечером, когда мы направлялись в министерство внутренних дел по мрачным улочкам, извиляющимся в окрестностях церкви Сен-Сюльпис, Альбер заметил, что за нами следует вооруженный человек, не упускающий из виду ни одного из наших движений. Чтобы убедиться в нашем предположении, мы стали кружить, то продвигаясь вперед, то возвращаясь назад. Субъект все не отставал от нас и, казалось, поджидал момента, когда можно будет осуществить какой-то свой мрачный замысел. В раздражении мы внезапно поворачиваем назад и идем прямо на него. На наши вопросы он сперва ничего не ответил. Вид у него был крайне смущенный. Затем он стал давать какие-то уклончивые ответы, лишь подтвердившие наши подозрения. Наконец, припертый вопросами, от которых трудно было отвертеться, он

вынимает из кармана карту делегата Люксембурга и показывает ее нам со словами:

— Сегодня был мой черед.

Мы не понимали, что это значит, и он нам объяснил, что несколько его товарищей, испугавшись, что мы выходим одни и без оружия, решились по очереди охранять нашу безопасность, все это сделали без нашего ведома, и мы так и не узнали бы об этом, если бы не рассказанный мною случай.

5 марта, когда собралась Правительственная комиссия для рабочих, я ей напомнил, что наша задача состоит в том, чтобы не только подготавливать по вопросам труда законопроекты для представления их на санкцию Национального собрания, но также и в том, чтобы принимать неотложные меры, способные хотя бы несколько облегчить бедствия народа. В согласии с этим я предложил своим сотрудникам следующую меру, которая, как мне казалось, могла принести много пользы. Речь шла о том, чтобы в наиболее населенных кварталах Парижа основать образцовые учреждения, достаточно обширные, чтобы вместить около четырехсот рабочих семейств, каждое из которых имело бы отдельную квартиру и которым приобретение в большом масштабе продуктов питания, отопления, освещения давало бы возможность делать значительную экономию, приносимую ассоциацией, — экономию, которая являлась бы как бы повышением заработной платы. В этих учреждениях можно было бы оборудовать читальные залы, залы для грудных младенцев, школы, сады, дворы, бани. По представленным мне двумя способными архитекторами проектам каждое заведение обошлось бы приблизительно в миллион франков. Для покрытия этого расхода правительство могло бы выпустить заем. Женщины стали бы собирать подписку на этот заем, и все слои общества доставили бы своих агентов для содействия успеху этого столь нового по характеру и столь благодетельного по своему значению предприятия.

Сам по себе этот проект не заключал в себе ничего неосуществимого, и он осуществлялся уже в других странах. Тем не менее мне противопоставили много всяких возражений. Так, утверждали, что выгоды и удобства этих учреждений привлекут слишком много желающих воспользоваться ими, и не будет возможности всех удовлетворить. На это мы отвечали, что преимущество будет оказываться семейным перед холостыми, и из семейных тем, которые обременены наиболее многочисленными семьями. Это преимущество будет оказываться только на первых порах, ибо наш проект был лишь первым шагом системы, которая постепенно должна была расширяться и распространяться на всех,

по мере того, как станут очевидными ее преимущества. Вопрос был всесторонне разработан с большою мудростью и талантом Видалем, Дюверье и Маларме, рабочим-бронзовщиком, человеком большого ума и большого опыта в этих делах. Решено было составить сводку взглядов, получивших одобрение большинства комиссии, и представить ее на одобрение временного правительства.

Этот проект, имевший такое большое значение с точки зрения улучшения благосостояния рабочего класса в Париже, был одним из тех проектов, которые немедленно могли бы быть осуществлены, если бы специальное министерство, создания которого я требовал, было учреждено. К сожалению, при сложившихся обстоятельствах я мог лишь внести предложение, и так как быстрая смена событий вскоре совсем изменила положение, мое предложение было отстранено подобно многим другим!

Читатель, может быть, вспомнит, что на заседании в городской ратуше я лишь по настоянию Араго согласился принять председательство в Правительственной комиссии для рабочих, т.е. принять на себя огромную ответственность, не имея в своем распоряжении никаких средств для ее выполнения. Сделанные впоследствии разоблачения пролили слишком яркий свет на тайные мотивы, побудившие некоторых членов правительства настаивать на моем согласии. Правда, события не совсем оправдали эти надежды. Доверие делегатов Люксембурга ко мне не только оставалось непреодолимым, но приобрело чрезвычайно сердечный характер. Народ узнал своих людей.

К тому же, как бы ни старались связать меня по рукам и ногам, я все же достиг некоторых практических результатов, главнейшим из которых был толчок, данный основанию рабочих ассоциаций. Об этом у меня будет речь дальше, а здесь я пока напомним в нескольких словах, чем отмечена была, наряду с этим большим движением, деятельность Люксембурга.

Затруднительность для рабочих разыскать для себя работу, а для предпринимателей — находить в определенном месте рабочих, в которых они нуждались, было одним из зол существовавшего положения. Я провел через временное правительство декрет о создании при каждой мэрии справочного бюро для обслуживания как предложения, так и спроса на труд.

Рабочие громко и справедливо жаловались на гибельную конкуренцию, какую делал свободному труду труд арестантов, которых кормило и содержало на свой счет государство. Правительственная комиссия для рабочих немедленно расторгла договоры, имевшие в своей основе труд арестантов. Подобная же

мера была принята относительно солдат, находящихся на службе и получающих от государства жалование, содержание и питание.

Швейные работы, организованные в так называемых «благотворительных» учреждениях, до такой степени понизили заработную плату, что матери, жены и дочери рабочих не были в состоянии, несмотря на чрезмерный труд и бесчисленные лишения, удовлетворять хотя бы самые элементарные свои потребности. По предложению Правительственной комиссии для рабочих, временное правительство опубликовало декрет, положивший конец этому нестерпимому злоупотреблению.

Мне слишком много пришлось бы рассказывать, если бы я хотел перечислить все принятые Люксембургом меры для облегчения тяжелого положения рабочих. Но я не могу умолчать об одном факте, который покажет, что, как бы горячи ни были ее симпатии к рабочему классу, комиссия не отдавала им предпочтения пред справедливостью. После Февральской революции поднялся сильный ропот против крайне тягостной конкуренции, которую иностранные рабочие оказывали трудящимся французам. Отмечаю этот факт с болью. Но с ним связаны обстоятельства, о которых следует упомянуть. Как только я был в Люксембурге осведомлен о поднятой в некоторых мастерских агитации, я решил вступить с нею в борьбу. И с моей стороны тут не было никакого мужества, ибо я слишком хорошо знал парижских рабочих, чтобы заранее не быть уверенным, что призыв к чувству права и чести окажет на них решительное влияние. Я составил поэтому следующее воззвание, которое появилось в «*Moniteur*» от 9 апреля 1848 г. и для которого я без всякого труда получил подписи всех моих коллег по временному правительству.

«По предложению Правительственной комиссии для рабочих, принимая во внимание, что принципом восторжествовавшей республики является принцип братства;

что мы сражались и победили во имя и за счет всего человечества;

что одно лишь звание человека имеет в себе нечто неприкосновенное и священное, чего не может, устранить различие отечеств;

что славной особенностью Франции, ее гением, ее обязанностью является побуждать все народы благословлять ее победы и, в случае надобности, даже ее горести;

принимая во внимание, что если она в настоящее время кормит много иностранцев, то еще значительно большее число французов живут своим трудом в Англии, в Германии, в Швейцарии, в Америке и в самых отдаленных странах;

что вызывать репрессии, отталкивающие далеко от нас наших братьев из других стран, было бы одновременно и бедствием, и бесчестием, —

временное правительство ставит под охрану французских рабочих иностранных рабочих, занятых во Франции, и вручает честь гостеприимной республики благородству народа».

Больше не нужно было: агитация прекратилась как бы по мановению жезла.

Не менее достойна похвал и умеренность требований рабочих речей в дни, когда они были всемогущи. Об этом может свидетельствовать воззвание, которое можно было читать на всех стенах Парижа, которое подписано было большим числом рабочих, которых народ заклинал остерегаться от всяких требований, способных вызвать разорение предпринимателей и закрытие мастерских.

Этой-то умеренности и этому здравому смыслу рабочего класса Люксембург обязан был тем, что мог эффективно выступать каждый раз, когда нужно было урегулировать какое-нибудь разногласие между рабочими и предпринимателями. И нужно отметить, что это имело место лишь по требованию обеих заинтересованных сторон.

Я сказал уже, до какой степени победивший в феврале народ, взятый в целом, был великодушен. Но было бы чудом, если бы такая социальная буря, как буря 1848 года, пронеслась над Францией без того, чтобы не взбудоражить интересы и страсти. Поэтому случалось, что надежды, пробужденные революцией, прорывались иногда в горьких жалобах, иногда в резких требованиях. Там, где страдания, обусловливаемые порочностью социальных институтов, оказывались совершенно нестерпимыми, притесняемые должны были попытаться сбросить с себя иго. Тогда со стороны привилегированных проявлялась несправедливая борьба, которая, со своей стороны, вызывала преувеличенные требования, самая преувеличенность которых могла бы стать роковой для требующих. Можно представить себе, какие бедствия могли породиться подобными конфликтами, если бы не существовал верховный посреднический трибунал, облеченный общественным доверием. Само положение вещей поместило этот трибунал в Люксембурге, заслуги которого в этом отношении были, можно сказать, огромны.

Его вмешательство положило конец гибельным забастовкам, как, например, на мануфактуре Дерон и Кайль; страстные распри были либо улажены, либо предупреждены; были проведены бесчисленные миролюбивые соглашения, и некоторые из них

имели такое важное значение, что от них зависело общественное спокойствие.

Кто не помнит вида Парижа в первые дни революции? Повсюду баррикады или их обломки. Торговое движение приостановлено, транспорт парализован. Необходимо было во что бы то ни стало, чтобы вынутые из мостовой камни были поставлены на свое место. Возникло огромное затруднение. Мостильщики выдвинули новые условия работы и в случае отказа решили объявить забастовку. К чему привел бы этот кризис, если бы не было Люксембурга? К нему, с общего согласия, обратились и предприниматели и рабочие. Завязались переговоры, которые отеснили силу и предоставили слово лишь справедливости. Требования мостильщиков, признанные справедливыми, были удовлетворены, и улицы снова приняли свой обычный вид.

Но едва камни были поставлены на свое место, как во всем Париже прекратилось движение карет. Сперва остановились омнибусы и линейки, за ними последовали фиакры, кабриолеты и всякие другие средства передвижения. Снова вопрос заработной платы! Обращаются к посредничеству Люксембурга. Извозчики и хозяева выступают перед этим трибуналом, к которому с одинаковым волнением прибегают обе стороны. Делегаты сторон выслушиваются в перекрестных допросах. Достигается соглашение, удовлетворяющее всех, и движение возобновляется по всему городу.

Оказалось нужным построить временный зал для заседаний Национального собрания, так как помещение бывшей палаты депутатов было недостаточно обширно для республики. И в момент, когда работы нужно было вести с наибольшей поспешностью, ибо приближалось время открытия Национального собрания, кровельщики вдруг спускаются с крыши здания и отказываются снова подняться на нее вследствие разногласия с их предпринимателями. Снова требуется вмешательство Люксембурга, и в ответ на простое обращение к их патриотизму кровельщики предлагают безвозмездно работать для республики, — щедрость, которую Республика не могла принять, но которая тем не менее делала ее должницей второй заработной платы: признательности.

Длинен оказался бы список достигнутых миролюбивых соглашений, если бы нужно было обо всех рассказывать. Механики, обойщики, извозчики, разгрузчики, мостильщики, шляпочники, кровельщики, булочники, кузнецы, прачечники, — мало можно указать профессий, в которых Люксембург не содействовал бы возобновлению работы путем восстановления согласия.

Протоколы, подписанные сторонами, существуют! Пусть, кто может, разорвет эту страницу истории.

И чего не следует забывать — это, что чаще всего хозяева первые приходили к нам просить о посредничестве. Предприниматели и рабочие приходили в Люксембург разными дорогами, — они выходили из него почти всегда вместе.

Одно из отмеченных раньше соглашений заслуживает привлечь внимание читателей, ибо оно содействовало спасению Парижа от надвинувшейся на него опасности.

29 марта Париж подвергался риску очутиться утром без хлеба. 25-го было мне прислано делегатами синдиката булочников следующее письмо:

«Гражданин народный представитель,

Два представителя парижского синдиката булочников имеют сделать вам спешное сообщение по вопросу о тяжелых затруднениях, касающихся выпечки хлеба, сегодня вечером. Вчера они имели два совещания с гражданином префектом полиции; они снова должны явиться к нему в половине второго. Быть может, вы также явитесь на это совещание. По этой-то причине они просят вас во имя спокойствия Парижа выслушать сообщение, которое они сделают».

Относительно последствий этого письма предоставляю слово «Moniteur»:

«Сегодня еще раз потребовалось официальное вмешательство правительственной комиссии для рабочих, но на этот раз это было вызвано исключительными обстоятельствами. Дело касалось одной из тех отраслей промышленности (хлебопечения в Париже), малейшее замешательство в которых может повлечь за собою самые тяжкие последствия для пропитания столицы. Рабочие булочники составляют корпорацию, бедственное положение которой требовало скорейших и наиболее действительных мероприятий. Их тяжелое положение, становившееся невыносимым, привело их в отчаяние и толкнуло на крайнее решение. Парижу грозило остаться без хлеба через несколько дней, быть может даже завтра. Однако миролюбивое соглашение, и соглашение полное, было достигнуто тотчас же, как только оно понадобилось. Делегаты хозяев и рабочих представили сегодня утром свой спор на третейское рассмотрение председателя в товарища председателя правительственной комиссии. Новый тариф был установлен после короткого и любовного обсуждения и охотно принят был обеими сторонами. Масса рабочих булочников стояла во дворе

Люксембургского дворца, с нетерпением и волнением дожидаясь исхода переговоров. Г. Луи Блан, выйдя к рабочим, огласил состоявшееся постановление, которое с энтузиазмом было приветствовано всеми. Выражения самой искренней признательности, высказанные делегатами обеих сторон, полностью вознаградили комиссию за ее неутомимые усилия».

Чтобы составить себе точное представление о нагрузке, которую пришлось нести Люксембургу, читатель не должен упускать из виду, что все, рассказанное на предшествующих страницах, было сделано — при очень активном и полезном содействии Видаля — в продолжение каких-нибудь двух месяцев, в течение которых нам к, тому же приходилось участвовать в работах временного правительства. Не припомню, чтобы мне в то время приходилось работать меньше четырнадцати часов в день. Альбер, отличавшийся железным здоровьем, держался крепко; не то было со мною, и мое здоровье было тогда сильно подорвано.

Вот наши преступления.

А теперь я вынужден писать эти строки в чужой стране... Но какой солдат вправе жаловаться, что был ранен в бок? И столько других, гораздо более заслуженных, пострадали больше моего! Как бы тяжело ни было быть оторванным на долгие годы, быть может навсегда, от всего, что было дорого на свете, как бы тяжело ни было прозябать, в изгнании под двойным бременем клеветы и бедности, — все же дышать чистым воздухом, иметь возможность глядеть на небо, иметь перед собою весь мир, чувствовать себя свободным — это значит жить. Но ужас, агония, смерть с сознанием, что живешь в смерти, — это быть ввергнутым в душную клетку, в которую не проникают ни один солнечный луч, ни один звук человеческого голоса, это прозябать в тюрьмах в сообществе с ворами и убийцами, это не видеть пред собою пространства, за исключением того, что мелькает пред тобою по пути из одной башни в другую башню в тюремной повозке, т.е. в могиле. Бедный Альбер!